

ОКтябрьские торжества в Сибири в годы Великой Отечественной войны: коммеморативный аспект

Статья подготовлена в рамках реализации проекта РГНФ №16-11-54002 «Октябрьские торжества в Сибири: коммеморативный аспект (1920–1945 гг.)».

Представлена характеристика октябрьских торжеств, которые устраивались в городах Сибири в годы Великой Отечественной войны и в 1945 г. Основное внимание уделяется коммеморативной составляющей празднеств. Определяются место и роль коммемораций в праздничных сценариях, описаны их типичные примеры. Объясняется мобилизационное значение коммеморативных элементов торжеств. Сделан вывод о резком снижении внимания к революционной истории на уровне официальной праздничной риторики и о формализации культа Октября в годы войны.

Ключевые слова: октябрьские торжества; политический праздник; коммеморация; Сибирь.

В 2017 г. отмечается столетие Октябрьской революции, во многом определившей историческое развитие России в Новейшее время. По мере укрепления большевистского политического режима постепенно формировался культ Октябрьской революции, которую к концу 1930-х гг. официальная пропаганда преподносила как событие, открывшее новую эру всемирной истории. Власти были заинтересованы в унификации памяти отдельных групп советского общества о революции, высоко оценивая идеологический потенциал культа Октября. Массовые торжества годовщин революции уже в начале 1920-х гг. стали главным политическим праздником страны, нацеленным на формирование и укрепление советской идентичности, а также на легитимацию советской власти. Важное место заняли октябрьские торжества и в системе пропаганды военных лет. Несмотря на тяжелое военное и экономическое положение, страна ежегодно праздновала революционные годовщины, хотя, безусловно, акценты политики памяти в годы Великой Отечественной войны изменились по сравнению с предыдущим периодом.

В России традиция политических празднований, имеющих коммеморативное значение, довольно устойчива. Так, и сегодня актуализируются сценарии торжеств и праздничные риторические приемы, характерные для советской культуры коммемораций. Особенно это заметно при сравнении празднований годовщин Октябрьской революции и современных торжеств в честь годовщин Победы над фашистской Германией в 1945 г. Именно поэтому, на наш взгляд, актуально изучение коммемораций периода Великой Отечественной войны, особенно праздников и юбилеев. Заметно, что от стандартов их организации в некоторой степени зависят и современные массовые государственные празднования в России.

Цель данной статьи – охарактеризовать коммеморативные особенности Октябрьских торжеств, устраивавшихся в городах – областных центрах Сибири, – в условиях Великой Отечественной войны и в год ее окончания. Для этого здесь будет решена задача на примерах городов Барнаул, Иркутск, Красноярск, Новосибирск и Омск представить стандартные коммеморативные мероприятия, связанные с актуализацией коллективной памяти об Октябрьской революции. Во время войны отношение властей к памяти о револю-

ции было очень прагматичным. Все коммеморации отвечали целям социальной мобилизации. Поэтому еще одна задача нашего исследования – определить мобилизационное значение различных Октябрьских коммемораций. Стоит учитывать, что, будучи тыловым регионом, Сибирь имела специфичные «боевые задачи». Особой была и пропаганда, направленная на мобилизацию сил для победы в войне. Важно иметь в виду и то, что в Сибири, где не происходили боевые действия и не было фашистской оккупации, на протяжении всего военного периода не прерывалась советская коммеморативная традиция, однако она претерпела существенные изменения в годы войны.

История октябрьских торжеств в СССР первой половины XX в. исследовалась с разных точек зрения как российскими (Г.А. Бордюгов [1], С.Ю. Малышева [2], С.Н. Шаповалов [3]), так и зарубежными (М. Рольф [4], К. Петроне [5], Ф.К. Корни [6]) учеными. Свой вклад в разработку этой проблематики внесли также культурологи и политологи (А.С. Макашова [7], А.И. Щербинин [8]). К настоящему моменту охарактеризованы особенности организации празднований годовщин «Великого Октября» и их восприятия населением страны; установлены основные смыслы советской политики памяти, выразившейся посредством торжеств; показана взаимосвязь между советскими политическими культурами Октября, Сталина и Победы. История Октябрьских торжеств исследовалась преимущественно на материалах Татарстана (С.Ю. Малышева) и юга России (С.Н. Шаповалов). Автором данной статьи ранее была представлена динамика Октябрьских коммемораций в городах Западной Сибири на протяжении периода между 1919 и 1941 гг. [9. С. 149–174; 257–286]. Историки неоднократно обращались к параду советских войск в Москве, прошедшем 7 ноября 1941 г., когда враг находился на подступах к Москве [10. С. 298–300]. Однако подчеркнем, что до сих пор специально не изучались Октябрьские торжества в одном из основных тыловых регионов периода Великой Отечественной войны – в Сибири. Отметим лишь, что ранее нами были установлены особенности газетных репрезентаций октябрьских торжеств в городах Сибири, устраивавшихся во время ВОВ [11].

Характеризуя степень изученности темы, целесообразно также обратиться к работам, посвященным

сущности социальной мобилизации в сталинский период, поскольку советская политика памяти осуществлялась в контексте общих тенденций социальной мобилизации. Ее ключевые особенности выделены и описаны новосибирским историком С.А. Красильниковым, который определяет социальную мобилизацию как «целенаправленное воздействие институтов власти на массы, основанное на подавлении или искажении свободных и рациональных предпочтений, мотиваций и действий индивидов и отдельных групп для приведения общества в активное состояние, обеспечивающее поддержку реализации целей и задач, объявляемых приоритетными и признаваемых общественным большинством» [12. С. 150]. В качестве базовых характеристик социальной мобилизации выделяются ее институциональность, всеохватность, непрерывность, интенсивность, агрессивность, конфликтность, экстраординарность и ресурсозатратность. Отмечено, что такой тип социальной мобилизации утвердился в СССР постепенно, войдя в зенит лишь в 1930-х гг. [13. С. 22].

В центре нашего внимания находятся коллективные торжества, связанные с увековечиванием памяти значимого для общества события. Поэтому базовой методологической опорой данного исследования служат работы, подготовленные в рамках направления, известного в зарубежной литературе как «*memory studies*», рассматривающего память в социальном контексте. В отечественной науке существует длительная традиция изучения памяти с точки зрения психофизиологии. Психологи обычно определяют память как способность человека сохранять, воспроизводить и забывать информацию. Существующий опыт изучения проблем коллективной памяти дает возможность увидеть зависимость индивидуальных воспоминаний от особых коллективных условий (коммуникативных, нарративных) и внешних воздействий. Проживая в обществе, индивид неизменно дополняет собственные воспоминания сюжетами, становящимися ему косвенно известными из воспоминаний других людей. Как правило, это касается общезначимых для социальных групп тем. Попытки намеренно «организовать» коллективную память о прошлом и предать ей определенную идеологическую окраску стоит признать проявлениями политики памяти, т.е. совокупности политических мер по фиксации и продвижению определенного образа прошлого, обращению к прошлому в интересах политического настоящего, в целях формирования определенной версии коллективной памяти о прошлом. О политике памяти можно говорить и как о комплексе процессов и способов, направленных на «упорядочивание» стихийно бытующей социальной памяти, о ее идеологизации.

Различные сообщества имеют разный коллективный опыт, который своеобразно осмысливается и отражается в коммеморациях. Коммеморация как более или менее сознательная деятельность, направленная на увековечивание памяти путем ее фиксации, сохранения, актуализации (реактивации) и трансляции, символически вводит прошлое в пласт современной культуры, работая над задачами самоопределения

личности и общества, адаптации человека к миру, планирования будущего. Как индивидуальная, так и коллективная память – это не только контент, но и процесс, что особенно заметно на примерах коммеморативных практик, к числу которых относятся и празднования годовщин исторических дат. О системе коммемораций, одной из важнейших характеристик которых является динамичное состояние, на наш взгляд, можно говорить как об особом языке мемориальной культуры, накапливающей множество различных воспоминаний о прошлом и его этических оценок. Мемориальная культура, функционирующая посредством систем коммемораций, представляет собой культуру увековечивания культуры, современной мемориализатору, и одновременно культуру реконструкции культуры, прошлой (ушедшей) по отношению к современности [14. С. 9].

В качестве основных источников данного исследования нами были использованы неопубликованные нормативные, распорядительные и делопроизводственные документы, хранящиеся в государственных архивах Новосибирска, Красноярска и Иркутска (ГАО, ГАКК, ГАНИО). Главным образом эти источники отражают подготовку и проведение октябрьских торжеств партийными советскими организациями. Важным источником данного исследования также стали ежедневные газеты, издававшиеся в Сибири в 1941–1945 гг.: «Алтайская правда» (Барнаул), «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск), «Красноярский рабочий» (Красноярск), «Омская правда» (Омск), «Советская Сибирь» (Новосибирск). Нами были просмотрены номера этих изданий, выходившие в преддверии октябрьских торжеств, в праздничные дни и после праздников. Эти источники ясно отражают основные смыслы государственной политики памяти и позволяют судить о мобилизационном значении торжеств.

Итак, какие же стандартные массовые коммеморации неизменно устраивались в сибирских городах в годы Великой Отечественной войны к памятной дате 7 ноября? В общем и целом, праздничные сценарии мало изменились по сравнению с довоенным периодом. Еще в конце октября по радио транслировались выступления писателей с рассказами на темы революции и Гражданской войны («Боевые традиции в годы Гражданской войны», «Сибирь за 25 лет после Октября» и т.п.). Впервые за долгие годы актуализировалась тема истории Новосибирска. По радио читали альманах «Дореволюционный Новониколаевск – современный Новосибирск», что было связано с новой ролью в жизни страны этого города как тылового центра, куда эвакуировались предприятия из европейской части СССР [15. Оп. 6. Д. 143. Л. 145, 145 об.]. Перед праздником, в «ноябрьскую декаду», на предприятиях и в колхозах агитаторы обычно читали типовые лекции коммеморативного содержания, не связанные, однако, с темой революции. Посредством этих лекций стимулировался патриотический подъем. В 1941 г. в их числе были «Отечественная война 1812 г.», «Великий русский полководец А. Суворов», «Герои Отечественной войны». Ставшая традиционной с 1934 г. беседа, посвященная памяти С.М. Киро-

ва, переносилась с начала декабря на ноябрьскую декаду также для усиления пропаганды [15. Оп. 5. Д. 323. Л. 84]. Агитаторы старались максимально использовать героические культы, как сложившиеся в последние годы, так и новые, формировавшиеся на основе актуализации и перелицовки фигур российской культурной памяти.

Как и в предвоенные годы, в преддверии 7 ноября Сибирь охватывало Предоктябрьское социальное соревнование, отражавшее колоссальное напряжение сил оборонной промышленности. В 1941 г. положение СССР накануне главной памятной даты страны было критичным. Враг находился на подступах к Москве. От тружеников тыла требовалась максимальная мобилизация усилий для выполнения и перевыполнения производственных планов. Память о «героическом Октябре» в ходе социального соревнования использовалась, прежде всего, для стимуляции тыловиков на производственные подвиги. Уже перед 7 ноября торжественно подводились итоги и ставились новые производственные задачи. Широкое развертывание всесоюзного социального соревнования в преддверии XXV годовщины Октября (1942 г.) было нацелено на повсеместное выполнение планов. При этом на деле далеко не все планы выполнялись. В частности, из стенограмм выступлений первого секретаря Красноярского крайкома КПСС И.Г. Голубева по закрытым проводам следует, что планы хлебозаготовок в Красноярском крае в период войны выполнялись чуть более, чем на 50%. В 1943 г. Голубев требовал исправить ситуацию к 7 ноября, но в действительности край сдал на 3,5 млн тонн зерна меньше нормы, несмотря на угрозы арестами саботажников [16. Оп. 4. Д. 58. Л. 505, 507, 514].

Вопреки газетным заверениям не все сибиряки верили в Победу; наблюдавшие за населением осведомители фиксировали различные страхи и тревоги по поводу мощи немецкой армии. Некоторые открыто заявляли, что при удобном случае перейдут на сторону фашистов [15. Оп. 5. Д. 335. Л. 7]. Документы военных лет содержат многочисленные свидетельства о плохих условиях труда на оборонных предприятиях в военное время, например, регулярные жалобы рабочих эвакуированных предприятий, где подчас отсутствовали элементарные бытовые условия. Люди, помнившие Первую мировую войну, сравнивая прошлую и нынешнюю ситуации, констатировали, что теперь стало гораздо хуже: слишком много работы, голодно, низкие заработки [17. Оп. 3. Д. 1206. Л. 187]. Хотя рабочие были явно переутомлены, многие все-таки с энтузиазмом обещали выполнять и перевыполнять планы. Разумеется, далеко не все обещания и обязательства выполнялись, будучи лишь эмоциональным откликом трудящихся на пропаганду. Так, рабочие новосибирского завода «Большевик» обещали выполнить месячный план к 25 ноября, но уже через десять дней стало ясно, что они не справляются с этой задачей [Там же. Л. 4–5]. Борьба с «болтунами» стала отдельной проблемой. Однако реакции «болтунов», как и ударников, добивавшихся реальных результатов, интересны сами по себе, как отклик на пропаганду.

Действенность праздничной пропаганды может, на наш взгляд, объясняться с точки зрения логики мифо-

логического мышления, некоторые аспекты которого, по словам известного философа и этнолога М. Элиаде, «образуют важную составляющую часть самого человеческого существа» [18]. К тому же архаизация сознания и культурных практик является типичной в острых, кризисных ситуациях. Практически в любой традиционной культуре огромное значение имеют мифы и ритуалы, связанные с представлением о необходимом обновлении мира в Новый год для его спасения от деградации. Праздничный новогодний ритуал призван «восстановить или утвердить мир на следующие годы». М. Элиаде подчеркивал, что «при этом мир не только становится обновленным и стабильным, он также освящается символическим присутствием Бессмертных» [Там же]. В официальной советской мемориальной культуре годовщины «Великого октября» уже давно походили на традиционные новогодние торжества, поскольку отмечался еще один год новой «эры», начало которой «Краткий курс истории ВКП(б)» провозглашал, как мы уже упомянули, от 7 ноября 1917 г. Не совсем осознанная актуализация мотивов мифологических пластов культуры, происходившая на уровне пропаганды в условиях острой, кризисной ситуации в стране и связанных с ней эсхатологических страхов, видимо, отвечала потребностям населения Сибири. Большой традиционный праздник с подведением итогов ушедшего года, который ассоциируется с древними ритуалами сбора урожая, с «явлением» квазирелигиозной фигуры вождя, «говорившего» с народом, должен был успокаивать и воодушевлять население, вселять в сердца тыловиков веру в победу.

В 1941 г. и в последующие военные годы И.В. Сталин «являлся» 6 ноября на торжественное заседание Московского совета депутатов трудящихся и выступал с праздничной речью. Он поздравлял советский народ с годовщиной Октябрьской революции, традиционно рассказывал о военных и экономических достижениях СССР как за весь послереволюционный период, так и за последний год, отмечал существовавшие трудности, ставил новые «боевые задачи» для армии и тыла. Сталинские речи отражали главные смыслы пропаганды и политики памяти. На местах, в частности в Сибири, организовывались коллективные слушания этих речей по радио в прямом эфире. Сталина «напряженно слушали» рабочие, инженеры и технологи на заводах, вождю коллективно внимали представители местных элит (партийное и советское начальство, руководители промышленных предприятий, артисты, ученые), специально собиравшиеся на ночные торжественные заседания.

Коллективные слушания речей Сталина по радио в ночь с 6 на 7 ноября в годы войны заменили на вечера воспоминаний – коммеморативные мероприятия, традиционные организации которых коренятся еще в дореволюционных праздничных практиках и получила значительное развитие с 1920-х гг. Участники этих вечеров, проходивших в рабочих клубах и учреждениях, вспоминали Октябрьскую революцию, Гражданскую войну и героев этого периода. Во время Великой Отечественной войны данная практика прекратилась. В канун праздника лишь кое-где устраивались встречи

жителей сибирских городов с участниками Великой Отечественной войны, прибывшими с фронта и рассказывавшими о героических подвигах Красной армии [19]. Но акцент в преддверии праздника однозначно делался на речи вождя.

Всвязи с тем что Сталин выступал с предпраздничной речью, когда в Сибири была уже ночь, традиционные праздничные заседания местной администрации, которые до войны устраивались вечером 7 ноября, приходилось переносить: менялась и дата – с 7 на 6 ноября, и время – на более позднее. При изучении источников создается ощущение, что в областных центрах Сибири представители местных элит заседали не просто одновременно, но и *вместе с правительством*, стараясь полностью воспроизводить главное заседание страны в колонном зале. Исключительность мероприятия подчеркивалась выбором места. Так, в 1942–1944 г. новосибирцы заседали в еще не открытом официально, хотя и построенном, самом большом театре страны – театре оперы и балета.

На торжественных заседаниях присутствовали первые секретари обкомов и крайкомов ВКП(б), председатели облисполкомов и крайисполкомов, а также их заместители, заведующие отделами облисполкомов и крайисполкомов, секретари горкомов партии, заведующие отделами горкомов, представители от горисполкомов, обкомов, крайкомов и горкомов комсомола, председатели горсоветов, начальники областных и краевых управлений НКВД, представители гормилиции, военкоматов, генералы, депутаты Верховного совета, директора промышленных предприятий и секретари заводских парткомов, директора театров, заслуженные артисты, композиторы, писатели, профессора, ударники, герои СССР, главные редакторы и корреспонденты местных газет. План мероприятия был прописан по минутам. Торжественное заседание открывал председатель горисполкома. Следом, заранее утвержденный народный или заслуженный артист, объявлял состав почетного президиума, куда неизменно заочно выбирали И.В. Сталина и членов правительства. Программа мероприятия включала доклад секретаря обкома (крайкома) партии, приветствия пионеров и школьников, зачитывание заранее составленного письма Сталину, трансляцию его доклада по радио и праздничный концерт [17. Оп. 3. Д. 1207. Л. 192–226; 20. Л. 1–16].

Речи секретарей обкомов (крайкомов) составлялись по шаблонам. Секретари должны были говорить о том, что страна встречает очередную годовщину Октября в особой военной обстановке, превратившись в «единый боевой лагерь». Далее приводилась официальная трактовка исторического значения революции, сводившаяся к мысли о том, что «благодаря революционному переустройству страны... наша Родина преодолела вековую отсталость, окрепла, усилилась настолько, что в состоянии бороться за свою независимость с любым врагом» [20. Оп. 1. Д. 635 Оп. 1. Д. 635 Л. 4–6]. Примечательно, что из торжественных речей военных лет исчезло упоминание о крови героев Октября и Гражданской войны, пролитой за идеалы революции. Жертв «колчаковщины» на официальных мероприятиях в годы войны не вспоминали.

В 1942 г. речь секретаря новосибирского обкома партии М.В. Кулагина началась призывом почтить память погибших в Великой Отечественной войне вставанием. Далее следовала краткая, формальная коммеморативная часть выступления, посвященная главным образом производственной тематике. Кулагин перечислял достижения пятилеток и говорил о том, что «Октябрьская социалистическая революция вывела нашу Родину на путь процветания и обеспечила ее технико-экономическую независимость» [17. Оп. 3. Д. 1207. Л. 225].

Стандартные коллективные письма Сталину также содержали коммеморативные мысли. К примеру, в новосибирском письме 1942 г. говорилось: «Шестнадцать месяцев войны показали, что созданный Октябрьской революцией советский строй рабочих и крестьян, основанный на великой дружбе народов, является самым прочным строем в мире...» [Там же. Оп. 1. Д. 635. Л. 248]. Сложно понять чувства людей, писавших, принимавших и отправлявших вождю эти высокопарные послания. Источники не содержат комментариев сибиряков. Однако мы можем полагать, что, с одной стороны, письма были лишь элементом официальной церемонии, скучной и затянутой. Но неточное исполнение церемонии прочтения, принятия и отправки писем было наказуемо. Поэтому письма, каким бы нелепым ни был стандарт их составления, неизменно готовили заранее, публично зачитывали и отправляли кремлевскому адресату. С другой стороны, в условиях войны население очевидно нуждалось в консолидирующих ритуалах, текстах, укреплявших веру в Победу, в иллюзии личной, живой коммуникации с вождем. Поэтому письма могли восприниматься со вполне искренними «верноподданническими» чувствами.

Глубокой ночью, после коллективного слушания речи вождя, в которой повторялись мысли, уже кратко озвученные местными докладчиками, начинался концерт. Приведем пример концерта, состоявшегося в Красноярске в 1943 г. Большинство номеров было музыкальными: звучали песни о Сталине и украинские народные песни, исполнявшиеся хором, а также фрагмент баллады «Александр Невский», озаглавленный в программе как «Слово Александра Невского перед Ледовым побоищем» (сл. Б. Липатова, муз. Е.И. Русинова). Номеров, посвященных темам революции и Гражданской войны, в программе не было [20. Оп. 1. Д. 833. Л. 12].

В 1941 г., когда методика работы с речами вождя в условиях военного времени еще не была практически отработана, членам новосибирского Горкома партии пришлось провести экстренное ночное совещание с секретарями райкомов для того, чтобы успеть дать указания, касавшиеся того, как разъяснять населению содержание речи Сталина 7 ноября и в последующие дни (8 и 9 ноября). Для «глубокого изучения» речи вождя требовалось организовать серию митингов, собраний женщин и молодежи, устроить публичные читки газет, лекции, занятия в кружках, даже выставки [17. Оп. 3. Д. 1078. Л. 10].

7 ноября речь Сталина уже была опубликована на первой полосе каждой местной газеты. В последующие дни во всех учреждениях и на предприятиях аги-

таторы, используя газетные публикации, объясняли населению, прежде всего, новые производственные задачи, поставленные вождем. Предполагалось, что усвоить и принять как руководство к действию содержание сталинских речей обязан каждый. А уже 8 ноября секретари райкомов отчитывались перед горкомами о результатах агитационной работы. Каждый сообщал о том, какое количество рабочих взяло на себя обязательства о перевыполнении производственных планов. Многие с гордостью сообщали, что на вверенных им участках работы звучали обещания перевыполнять планы на 200, 250 и даже на 400% [17. Оп. 3. Д. 1078. Л. 4]. Некоторые реальные достижения сибирских стахановцев поражают. На новосибирском авиационном заводе им. В.П. Чкалова ударниками отмечалось перевыполнение плана даже на 1 000% [Там же. Д. 1206. Л.18].

Основные торжества проходили в городах Сибири, как и до войны, 7 ноября. Хотя в существовавших условиях приходилось на многом экономить, траты на праздничный декор и визуальную пропаганду считались необходимыми. Сохранилось описание праздничного декора центральной площади Новосибирска в 1942 г., подготовленного к XXV годовщине Октября. Здание Сибкрайсоюза украшалось портретами вождей. Визуальный акцент был сделан на фигуре Сталина – «творца социалистического общества и сталинской конституции, великого полководца Отечественной войны советского народа». Изображение сопровождалось надписью «Все наши силы на поддержку нашей героической армии, нашего славного красного флота!». Вторым по значению было изображение Ленина на трибуне, которое сопровождалось цитатой из речи Сталина: «Дух великого Ленина, его победоносное знамя вдохновляет нас теперь на Отечественную войну». В праздничном оформлении здания госпиталя присутствовали и изображения бойцов Гражданской войны. Другие здания площади также украшались. Однако все прочие праздничные панно практически не имели коммеморативного смысла, отражая темы тыла Отечественной войны, борьбы с врагом и героизма фронтовиков [Там же. Д. 1207. Л. 183–187].

В газетах даются многочисленные описания демонстраций и военных парадов в городах Сибири. Большое внимание в печати уделялось параду, описанию шествия доблестных воинов, готовых отправиться на фронт и уже вернувшихся с фронта. Хотя подчеркивалось, что на демонстрации собирались десятки тысяч жителей городов, в печати сообщалось и о том, что в годы войны некоторые предприятия Сибири отказывались от участия в демонстрациях и продолжали работать 7 ноября, максимально мобилизуя силы для помощи фронту [21]. Обычно демонстрацию открывали дети. Кратко сообщалось о митинге на центральной городской площади. Приводились основные тезисы из речей выступавших. В военное время редакции газет экономили бумагу, поэтому опускалась информация, имевшая отношение к революционной тематике, и делался акцент на частных успехах и победах в текущей войне.

Однако стенограммы этих речей сохранились в сибирских архивах. Примеры таких записей демон-

стрируют наличие в речах, звучавших на митингах, коммеморативных разделов. Впрочем, слова и мысли, обращенные к революционному прошлому, были незамысловаты и предсказуемы, например: «Вспомним, как молодая, разоренная, плохо вооруженная республика наша громилла полчища белогвардейцев и интервентов... Мы победили потому, что нами руководила великая партия Ленина-Сталина. Вспоминая об этих годах, мы еще больше проникаемся уверенностью в нашей победе над гитлеровскими разбойничьими полчищами...» [17. Оп. 3. Д. 1207. Л. 230]. Новых идеологических формулировок коммеморативного характера не появлялось вплоть до 1945 г.

В канун октябрьских торжеств 1945 г. политические настроения сибиряков были различными. Население ощущало не только радость победы, но и высказывало недовольство многими обстоятельствами. Победивший народ явно устал от трудовых подвигов. Однако поставленные правительством задачи восстановления экономики после войны по-прежнему предполагали перенапряжение производительных сил сибиряков. Отмечалось, что радость победы вызывала новый подъем трудового энтузиазма, но подобное умонастроение было свойственно далеко не всем. Рабочие эвакуированных предприятий требовали, чтобы им разрешили вернуться домой, проклиная Сибирь как место ссылки. Другие просили отпусков, установления восьмичасового рабочего дня, многие просто увольнялись [Там же. Д. 1694. Л. 45–48; Д. 1698. Л. 26–26 об.]. Поэтому октябрьские торжества в 1945 г. были вновь ориентированы на цели трудовой мобилизации.

Отдельного внимания заслуживают парады и демонстрации 7 ноября 1945 г. Газеты Сибири преподносили эти уличные торжества как особенно грандиозные и долгожданные: «Мы все ждали этого четыре года. Мы знали, что он будет! Первый праздник Великого Октября после победы!» [22]. «Алтайская правда» назвала праздничную демонстрацию «демонстрацией преданности великому делу Ленина и Сталина» [23]. В этой публикации подчеркивалась уже существовавшая ранее мысль о связи между завоеваниями Октябрьской революции и Великой Победой, но теперь появилась возможность говорить о том, во что прежде лишь верили, как о фактически свершившемся: «В жестких схватках мы отстаивали завоеванные кровью наших отцов свободу нашу, счастье наше». В печати воспроизводились слова В.М. Молотова о том, что народ воевал за государство, созданное Октябрьской революцией. Победу в Великой Отечественной войне газеты преподносили как доказательство того, что новое поколение советских людей достойно памяти поколения отцов, основавших справедливый социалистический мир, во всем превосходящий капиталистический. Звучали также ноты национальной гордости. Неоднократно подчеркивалось, что «Россия в который раз спасла Европу от варваров». Описание торжеств в Сибири содержало формулировки о «колоннах демонстрантов – тружеников тыла», которые рассматривались как основные герои местного масштаба. Газеты вообще не обращали внимания на историю революции в Сибири, не упоминали героев-революционеров и деятелей подполья вре-

мен «колчаковщины». Судя по газетным источникам, 7 ноября 1945 г. сибиряки, прежде всего, праздновали свою победу в Великой Отечественной войне, на которую их так активно настраивала пропаганда последних четырех лет, в том числе используя октябрьские торжества как повод.

В довоенные годы 7 ноября для населения городов Сибири обычно предлагалась насыщенная культурная программа: театральные постановки, концерты, цирковые представления, показы кино. Эта традиция не прервалась и в военный период. Тем более что в Сибирь были эвакуированы столичные театральные труппы и музыкальные коллективы. В 1941 г. накануне праздника газеты Новосибирска анонсировали выступления артистов Ленинградской филармонии, джазового оркестра под руководством Л. Утесова, комедийных спектаклей ленинградского ТЮЗа [19]. Эти зрелища были ориентированы на то, чтобы поднять «боевой дух» труженников тыла, скрасить их тяжелые будни, отвлечь от переживаний. Также в год начала войны перед праздником были организованы показы довоенных кинолент, ориентированные на массового зрителя: «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 г.», «Оборона Царицына», «Человек с ружьем», «Выборгская сторона», «Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Суворов», «Чапаев», «Щорс» [15. Оп. 6. Д. 143. Л. 146]. Рассказами о героических подвигах полководцев прошлого в преддверье 7 ноября пестрели и сибирские газеты [24, 25]. Актуализированные в период войны героические фигуры русской культурной памяти активно использовались на уровне пропаганды. Эта тенденция усиливалась с 1943 г., что было связано с акцентом на противопоставлении всему немецкому как вражескому. В результате и много лет спустя после войны сибиряки вспоминали типичные для военных лет рифмовки и куплеты. В мемуарах иркутянки А.П. Гавриловой приводится сюжет о письмах пионеров, адресованных солдатам. По словам мемуаристки, дети писали: «Часто рассказываем стих, сочиненный про вас: “Бьёмся мы гордо, бьёмся отчаянно, внуки Суворова, дети Чапаева”» [26. Ф. 393. Оп. 6. Д. 37. Л. 9]. На самом деле это четверостишие сочинили не пионеры, а поэт С.Я. Маршак. Оно было взято с популярного военного плаката Кукрыниксы. В памяти мемуаристки отложился не совсем точный плакатный текст. В оригинале звучало «Бьёмся мы здорово, колем отчаянно – внуки Суворова, дети Чапаева».

В последующие годы 6–8 ноября в кинотеатрах показывали как свежие фильмы на темы текущей войны, так и фильмы прошлых лет, связанные с темой Октябрьской революции. Например, в Новосибирске

в 1944 г. кинотеатр им. Маяковского приглашал зрителей посмотреть фильм Л. Арнштама «Зоя», повествующий о героически погибшей юной партизанке Зое Космодемьянской, кинотеатр «Октябрь» – фильм М. Ромма «Ленин в Октябре», кинотеатр «Металлист» – свежую картину А. Файнцимера «Котовский» [27]. Показательно, что 7 ноября 1945 г. кинотеатры демонстрировали картины на военные темы. Однако фильмов и спектаклей об Октябрьской революции и Гражданской войне в репертуаре почти не было.

Подведем итоги. В 1941–1945 гг. типовой сценарий празднования годовщин Октябрьской революции претерпел изменения. Коммеморативная составляющая октябрьских торжеств ослабла. Практически исчезли отдельные коммеморативные практики, популярные до войны. Так, в городах Сибири перестали устраивать вечера воспоминаний, которые раньше повсеместно проходили 6 ноября. Центральное место в праздничных сценариях заняли речи И.В. Сталина, в которых подводились промежуточные итоги войны и ставились новые боевые задачи. Речи партийных функционеров, звучавшие на местах, были шаблонными и повторяли содержание речи Сталина. Если до войны кульминацией праздника являлись уличные демонстрации 7 ноября, то в военный период ритуал слушания речи Сталина в прямом эфире рассматривался как более массовое и важное мероприятие. Вечером 7 ноября по-прежнему показывали революционные фильмы, как старые, так и новые. Однако в репертуаре кинотеатров появилось много картин на актуальные темы Отечественной войны. Воспоминания об Октябрьской революции теперь практически не звучали. А праздник использовался главным образом для мобилизации труженников тыла на новые производственные достижения, связанные с помощью фронту. Память о «Великом Октябре» стала лишь фоном торжеств. Прекратились чествования героев революции, в ходе празднований не уделялось внимания местной истории революции и Гражданской войны. Тема революции практически исчезла и из газетных репрезентаций. Особенно это заметно на примерах газет 1945 г. Печать стремилась установить в коллективной памяти новую концептуальную рамку: русский народ является героическим и победоносным, что подтверждают его история и современность; победа в войне доказала верность того пути исторического развития, на который страна встала после революции. Героический газетный нарратив, как и праздничная риторика в целом, не допускал обращения к темам жертв, ошибок и трудностей. Праздничная пропаганда внушала населению новое понимание значения «завоеваний Октября», благодаря которым советский народ выстоял в войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа : культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010. 256 с.
2. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, мифы (1917–1927). Казань, 2005. 400 с.
3. Шаповалов С.Н. Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917–1991 гг. (на материалах Краснодарского края и Ростовской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011. 27 с.
4. Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. 440 с.
5. Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrade : Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000. 266 p.
6. Corney F.C. Telling October : Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca ; N.Y., 2004. 266 p.
7. Макашова А.С. Государственные праздники в современной культуре России. Рецепция исторического наследия : автореф. дис. ... канд. культурол. СПб., 2014. 21 с.

8. Щербинин А.И. Тоталитарная индокринация: у истоков системы : политические праздники и игры // Полис. 1998. № 5. С. 79–96.
9. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск, 2015. 572 с.
10. Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2016. 464 с.
11. Красильникова Е.И. Октябрьские торжества в провинции: особенности газетных репрезентаций (на материалах городов Сибири в 1941–1945 гг.) // Провинциальные научные записки. 2016. № 2. С. 47–55.
12. Красильников С.А. Социальная мобилизация как системная характеристика сталинского режима: природа, формы, функции // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М., 2011. С. 150–159.
13. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) / Н.Б. Арнаутов, С.А. Красильников, И.С. Кузнецов, Д.Д. Миненков, Л.И. Пыстина, Л.И. Сосковец, А.Г. Тепляков, Н.Д. Троценко, С.Н. Ушакова, О.В. Шер. Новосибирск, 2013. 419 с.
14. Святославский А.В. История России в зеркале памяти: механизмы формирования исторических образов. М., 2013. 588 с.
15. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4.
16. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26.
17. ГАО. Ф. П-22.
18. Элиаде М. Аспекты мифа // Библиотека Гумер – гуманитарные науки. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/el_asp/index.php (дата обращения: 04.01.2017).
19. Работники искусства – к годовщине Октября // Советская Сибирь (Новосибирск). 1941. 4 нояб.
20. ГАКК. Ф. П-17.
21. 7 ноября на площади Сталина // Советская Сибирь (Новосибирск). 1941. 8 нояб.
22. В Новосибирске // Советская Сибирь (Новосибирск). 1945. 10 нояб.
23. Демонстрация преданности великому делу Ленина-Сталина // Алтайская правда (Барнаул). 1945. 10 нояб.
24. Бахрушин С. Минин и Пожарский // Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 1943. 3 окт.
25. Тихомиров М. Дмитрий Донской // Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 1943. 4 окт.
26. Государственный архив Новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). 393. Оп. 6. Д. 37.
27. [Объявления] // Советская Сибирь (Новосибирск). 1944. 6 нояб.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 февраля 2017 г.

OCTOBER CELEBRATIONS IN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: A COMMEMORATIVE ASPECT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 144–151.

DOI: 10.17223/15617793/419/19

Yekaterina I. Krasilnikova, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State Agrarian University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: katrina97@yandex.ru

Keywords: October celebrations; political celebration; commemoration; Siberia.

The aim of the article is to characterize the commemorative features of the October celebrations, arranged in the cities – the regional centers of Siberia – during the Great Patriotic War and in the year of its completion. The author used unpublished office documents stored in four archives of Siberia, daily newspapers published in Novosibirsk, Omsk, Barnaul, Krasnoyarsk and Irkutsk (1941–1945) as research sources. The author determines the place and role of commemorations in festive scenarios, their typical examples are presented. Also special conditions of celebrations peculiar to Siberia during the war period have been determined, and the mobilization value of commemorative events has been explained. The author has ascertained that in the years of the Great Patriotic War the typical scenario of celebrating anniversaries of the October revolution changed. The commemorative component of the October celebrations waned. The revolution was briefly and generally mentioned. Certain commemorative practices popular before the war, for instance evenings of commemoration, almost disappeared. In festive scenarios, the focus was on the collective listening to live radio broadcast of the speeches of Joseph Stalin. On 7 November the leader congratulated the people on the anniversary of the revolution, gave an official assessment of its value, summed up the interim results of the war and set new fighting tasks. Speeches of party functionaries made in the course of the celebrations locally were formulaic and mostly repeated the content of Stalin’s speech. On 7 November parades and demonstrations were still held in the cities of Siberia. The history of the revolution became a backdrop but not the main content of the celebration, which was used with the purpose of strengthening patriotism, indoctrination of the population with the faith in victory and the mobilization of the Siberians for labor feats to help the front. In the evening of 7 November revolutionary films, both old and new, were still shown in cinemas of Siberia. At the same time, a lot of films on topical issues of World War II appeared in the repertoire. During the wartime, on 7 November there was almost no reminiscing of the October revolution at official events. Honoring the heroes of the revolution halted. During celebrations no attention was devoted to the local history of the revolution and Civil War, reminiscing the casualties of Kolchak’s regime ceased in Siberia. In the beginning of the war, on 7 November the following slogan was used: “We will not give back the attainments of the October revolution”! By the end of the war the propaganda reflected the new official concept of the October revolution. The heroism and victory of the Russian people was proclaimed. It was confirmed by examples of revolutionary history and by examples of the Great Patriotic War. In 1945 propaganda reported that the victory in the Great Patriotic War proved that the path of the historical development that the Russians followed after the revolution was right.

REFERENCES

1. Bordyugov, G.A. (2010) *Oktyabr'. Stalin. Pobeda: kul't yubileev v prostranstve pamyati* [October. Stalin. Victory: the cult of anniversaries in the space of memory]. Moscow: AIRO-XXI.
2. Malysheva, S.Yu. (2005) *Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: prostranstvo, simvol, mify (1917–1927)* [Soviet festive culture in the province: space, symbols, myths (1917–1927)]. Kazan: Ruten.
3. Shapovalov, S.N. (2011) *Istoricheskaya transformatsiya rossiyskikh (sovetskikh) gosudarstvennykh prazdnikov v 1917–1991 gg. (na materialakh Krasnodarskogo kraia i Rostovskoy oblasti)* [Historical transformation of Russian (Soviet) state holidays in 1917–1991. (On the materials of Krasnodar Krai and Rostov Oblast)]. Abstract of History Cand. Diss. Krasnodar.
4. Rolf, M. (2009) *Sovetskie massovyie prazdniki* [Soviet mass holidays]. Translated from German by V. Altukhov. Moscow: ROSSPEN.
5. Petrone, K. (2000) *Life Has Become More Joyous, Comrade: Celebrations in the Time of Stalin*. Bloomington: Indiana University Press.
6. Corney, F.S. (2004) *Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution*. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press.

7. Makashova, A.S. (2014) *Gosudarstvennye prazdniki v sovremennoy kul'ture Rossii. Retseptsiya istoricheskogo naslediya* [Public holidays in the modern culture of Russia. Reception of the historical heritage]. Abstract of Culture Studies Cand. Diss. St. Petersburg.
8. Shcherbinin, A.I. (1998) Totalitarnaya indokrinatsiya: u istokov sistemy: politicheskie prazdniki i igry [Totalitarian inoculation: at the origins of the system: political holidays and games]. *Polis*. 5. pp. 79–96.
9. Krasil'nikova, E.I. (2015) *Pomnit' nel'zya zabyt'? Pamyatnye mesta i kommemorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoy Sibiri (konets 1919 – sereдина 1941 g.)* [Remember not to forget? Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (late 1919 – mid-1941)]. Novosibirsk: NSTU.
10. Khlevnyuk, O.V. (2016) *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya: biografiya* [Stalin. Life of a leader: biography]. Moscow: Corpus.
11. Krasil'nikova, E.I. (2016) Oktyabr'skie torzhestva v provintsii: osobennosti gazetnykh reprezentatsiy (na materialakh gorodov Sibiri v 1941–1945 gg.) [October celebrations in the provinces: peculiarities of newspaper representations (on materials of Siberian cities in 1941–1945)]. *Provintsi-al'nye nauchnye zapiski*. 2. pp. 47–55.
12. Krasil'nikov, S.A. (2011) [Social mobilization as a system characteristic of the Stalinist regime: nature, forms, functions]. *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya* [History of Stalinism: results and problems of study]. Proceedings of the international conference. Moscow: ROSSPEN. pp. 150–159. (In Russian).
13. Arnautov, N.B. et al. (2013) *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.)* [Social mobilization in Stalin's society (late 1920s–1930s)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
14. Svyatoslavskiy, A.V. (2013) *Istoriya Rossii v zerkale pamyati: mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov* [The history of Russia in the mirror of memory: the mechanisms of the formation of historical images]. Moscow: Drevlekhranilishche.
15. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. (In Russian).
16. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. (In Russian).
17. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-22. (In Russian).
18. Eliade, M. (2005) *Aspekty mifa* [Aspects of Myth]. Translated from French by V. Bol'shakov. [Online] Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/el_asp/index.php. (Accessed: 04.01.2017).
19. Sovetskaya Sibir'. (1941) Rabotniki iskusstva – k godovshchine Oktyabrya [Art workers to the anniversary of October]. *Sovetskaya Sibir'*. 4 November.
20. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-17. (In Russian).
21. Sovetskaya Sibir'. (1941) 7 noyabrya na ploshchadi Stalina [November 7 on Stalin Square]. *Sovetskaya Sibir'*. 8 November.
22. Sovetskaya Sibir'. (1945) V Novosibirske [In Novosibirsk]. *Sovetskaya Sibir'*. 10 November.
23. Altayskaya pravda. (1945) Demonstratsiya predannosti velikomu delu Lenina-Stalina [Demonstration of devotion to the great cause of Lenin-Stalin]. *Altayskaya pravda*. 10 November.
24. Bakhrušin, S. (1943) Minin i Pozharskiy [Minin and Pozharsky]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 3 October.
25. Tikhomirov, M. (1943) Dmitriy Donskoy. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 4 October.
26. State Archive of the New History of the Irkutsk Oblast (GANIO). Fund 393. List 6. File 37. (In Russian).
27. Sovetskaya Sibir'. (1944) [Ob'yavleniya] [Announcements]. *Sovetskaya Sibir'*. 6 November.

Received: 08 February 2017